

АФОРИЗМЫ

ИЕНСКИЙ ПЕРИОД

1

Бетгер говорит о сказочнике Павсании, о том, что он распространяет молву трубным гласом. И то и другое относится к самому Бетгеру¹.

2

Партия существует тогда, когда внутри нее происходит дифференциация. Протестантизм, различные направления которого должны теперь слиться в попытках объединения, сам доказывает, что он уже больше партией не является. Ибо именно в распаде внутренняя дифференциация конституируется как реальность. В момент возникновения протестантизма прекратились все расколы внутри католицизма. Теперь все время доказывают истину христианской религии, неизвестно только для кого: ведь мы не имеем дела с турками.

3

«Всунуть курительную трубку в лицо или в физиономию». Разве это не поэзия? То совершенно индивидуальное, что держит трубку и на чем она появляется, употреблено здесь совершенно объективно, так, как будто бы в нем не было ничего субъективного. Я слышал это выражение от совершенно прозаических купцов.

4

Что теперь называется наукой: «Специалист по расположению террас, или Общее руководство по искусству расположения террас». Так делается наукой разработка торфа, возведение дымовых труб, скотоводство и т. д.

«Бывший подчиненным мальчик». «Новеллы» Зомера², стр. 391. Разве это не *participium aoristi*³ греков?

Опыт. Тень от предмета, *освещенного свечой*, если на нее утром падает *дневной свет*, делается *синей*. Если же на тень от предмета, освещенного дневным светом (чтобы такая тень появилась, нужно отодвинуться от света), падает дневной свет, она делается *красной*. Тень от предмета, находящегося поблизости от свечи, поблескивает зеленоватым светом⁴.

К исторической логике. «Золото желтое». Уверяют, будто это суждение. Может быть. Но с еще меньшей вероятностью можно назвать умозаключением — «Все люди смертны; Кай — человек, следовательно, он смертен». Я по крайней мере никогда не думал столь плоско. Это должно происходить где-то внутри, помимо нашего сознания. Правда, внутри происходит многое, например производится моча и кое-что похуже, но, когда это оказывается снаружи, мы зажимаем нос. То же самое и при подобных умозаключениях.

Старые немцы были в сущности веселым народом. Из достойного Улисса, жизнь которого — *сама серьезность*, они сделали нелепого Эуленшпигеля, из божественной Цирцеи, выступавшей в роли Немезиды, — свинью⁵. Новые немцы делают более или менее то же самое, но серьезнее. Раньше народ выступал как *ирония* по отношению к этим божественным существам, а теперь они стали иронией по отношению к серьезным излагателям и понимаателям.

Подобно тому как раньше был период бурных поэтических гениев, так теперь мы, по-видимому, переживаем *период бурных философских гениев*. Они думают

изобразить эмпирей; связав друг с другом углерод, кислород, азот и водород, сунув все это в бумагу, на которой другие написали про полярность и т. д., и запустив это в воздух как ракету при помощи деревянной косы тщеславия. Таковы Гёррес, Вагнер⁶ и др. Грубейшая эмпирия с формализмом веществ и полюсов, отороченная бессмысленными аналогиями и блестящими нетрезвых мыслей.

10

Круг жизни крестьянки очерчен ее коровами — Лизой, Чернушкой, Пеструшкой и т. д., сынишкой Мартемом и дочкой Уршелью и т. д. Философу так же интимно близки — бесконечность, познание, движение, чувственные законы и т. д. И что для крестьянки ее покойный брат и дядя, то для философа — Платон, Спиноза и т. д. Одно столь же действительно, как другое, но у последнего преимущество — вечность.

11

Изготавливая выжимки, люди уже занимаются наукой. Отсюда недалеко и до *pater peccavi*⁷.

12

Разве только немецкие женщины позволяют французенкам диктовать себе законы? Скажите, мадам, что немецкие мужчины тоже, и сошлитесь при этом на *историю об имперской депутации*⁸. Как, вы ее не знаете? О, я вам расскажу. Французы заверили Германскую империю, что она ведет с ними войну. Правда, за оружие никто не брался, за исключением пары обывателей, которые не в счет. Но французы уверяли, что это так, и поэтому следовало дать себя ограбить. Затем Германская империя узнала из газет — мы читали их за столом, и вы можете себе представить, какую радость вызвало то, что это было сказано французами, — что она заключила мир. Но для того, чтобы она узнала, на каких условиях этот мир заключен, — французы люди вежливые — они послали специального посла в Германию. Чтобы не сомневались, он взял с собой еще одного. Немцы как честные люди — ведь то,

что говорят двое, безусловно, правда, — конечно, им поверили. Будучи тоже вежливыми, они надлежащим образом за это поблагодарили.

13

Когда абсолют, поскользнувшись, падает в воду с суши, по которой он прогуливается, он превращается в рыбу, в нечто органическое, живое. Когда же он, таким образом поскользнувшись, падает в *чистое мышление* — ибо чистое мышление тоже не должно быть его сушию, — то, неуклюже ковыляя, он превращается во что-то скверное, конечное, о чем и говорить-то стыдно, если только это делается не в порядке выполнения служебных обязанностей и потому, что невозможно отрицать, что в этом есть логика. Вода — такая холодная, дурная стихия, и все же в ней так хорошо жизни. Неужели же мышление надо считать еще гораздо худшей стихией? Неужели абсолют будет себя там чувствовать так уж плохо и так плохо себя вести?

14

В Германии постоянно защищают *здравый смысл* против так называемых *претензий философии*. Тщетные усилия, ибо, даже если философия отдаст этим людям все, это им не пойдет на пользу, потому что у них нет никакой философии. Настоящий здравый смысл — это не мужицкая грубость; в образованной сфере он находит свое свободное, мощное и правдивое выражение в определенностях образования, а затем и в парадоксах Руссо⁹, выступающего против этих определенностей, как и против самого образования. Он может быть и опытом, рассуждением и шуткой, как у Вольтера и Гельвеция. У немецкой аристократии, конечно, тоже есть здравый смысл, но именно потому она пользуется им, не доказывая, что им следует пользоваться. А они продолжают настаивать на последнем.

15

Виланд¹⁰, которого вообще в пристрастии к парадоксам не упрекают, высказал парадоксальное предло-

жение, что хорошо кое-что понимать в том, о чем пишешь. Было признано, что он прав.

16

Дураки на ошибках учатся, а люди неглупые вопреки всем своим ошибкам не умнеют.

17

Не будь соней, постоянно бодрствуй. Если ты соня, то ты слеп и нем; бодрствуя же, ты видишь все и говоришь всему, что оно такое. А это и есть разум и власть над миром.

18

На монетах Тита и Веспасиана надпись *theiotēs, aeternitas (Titi etc.)* [божественность, вечность (Тита и т. д.)] есть нечто обычное. Также и *aeternitas Augusti* [вечность Августа]. Императорский титул: *Aeternitas vesta* [Ваша вечность]. Выражение *aīōnios bios* [вечная жизнь], относящееся к Птолемаям, встречается на Розеттском камне¹¹; в других случаях употребляется только *aīōnios* [вечный]. Этот *aīōn* как будто свойствен Новому завету.

19

Педантичному моралисту можно сказать, что совесть — это моральный светильник, озаряющий хороший путь; но когда сворачивают на плохой, то его разбивают.

20

In omnia alia abeunt [во всяком деле обходят] те, кто, отказавшись от своей субъективности, должны обдумать и принять нечто доказанное, истинное. Их субъективное беспокойство не способно стать спокойствием познания. Им никогда не приходилось подчинять себя какой-то дисциплине.

21

В Швабии говорят о чем-то давно прошедшем: это было так давно, что скоро будет неправдой. Христос так давно умер за наши грехи, что скоро это будет неправдой.

Балы, публичные места, спектакли теперь посещают довольно мало. On s'assemble en famille, on revient aux mœurs [собираются семейно, возвращаются к добродетельным нравам]. Эти mœurs [нравы] означают всеобщую скуку, охватывающую всех от публичности, они означают нравственность.

Для низости лишь мораль может играть роль связи с добродетелью. Так, Карл Моор¹², уже впав в отчаяние, утратив отца и возлюбленную, идет к своему наказанию через моральный поступок: «этому человеку можно помочь». Действительно, трагическое — это моральное. Для нас оно в то же время и сентиментально.

Истина науки — это спокойный, все освещающий и радующий свет, подобный теплу, в котором распускается все и который способствует раскрытию внутренних сокровищ на просторах жизни. *Молния мысли* — это Капаней¹³, расточительно и скверно подражающий небесному огню и неспособный прийти ни к какой устойчивой жизни.

Один, узнав принцип обучения у пифагорейцев, говорит: это не съешь и не выпьешь; другой: что мне от этого? дело в том, чтобы учение было применимо к жизни, в нем должна выражаться моя целостность; третий: это не находит никакого полезного применения и из этого нельзя извлечь никакой мудрости для практической жизни. По существу все эти высказывания сводятся к одному, но мы так высоко ценим выражение, что первое называем мужицкой бестолковостью, второе — здравым смыслом, третье — заботой о моральном интересе человечества.

«Que de choses dans un menuet! s'écriait Marcel, le plus fameux maître de danse de Paris, il y a quatorze

ans, dans l'enthousiasme de son art. Les danseurs d'aujourd'hui disent autrement: il faut savoir le moral de la dans, et ils disent cela très sérieusement»¹⁴. В Германии это называется: поэзия.

27

«L'empire germanique est un être moral sans action par lui même, et il est un corps, mort par sa constitution»¹⁵. Германия не монархия и т. д., не государство, а империя. Империя должна быть понятием, или, если она должна быть государством, она превращается в пустое представление.

28

«Allgemeine Zeitung» сообщает, что королева, обращаясь в Берлине к мадам де Сталь, сказала: «J'espère, Madame, que Vous nous croyez de trop bon gout, pour n'être pas flatté de Votre arrivée à Berlin. Il y a long-temps, que je Vous ai admirée, et que j'ai été impatiente, de faire Votre connoissance»¹⁶. И здесь обращался дух к духу, а равный с равным, как говорит пословица, охотно сближается.

29

Содержание большей части трудов, где дается немецкая разработка научных дисциплин, сводится к тому, что я тоже знаю, что там-то и тогда-то было изобретено. Так, шестьсот авторов излагали то, что относится к коровьей оспе, и все повторяли одно и то же. Потом они затеяли друг с другом спор о плагиате, но дело в том, что все они списывали с одного и того же, подобно тому как евангелисты, по-видимому, не переписывали друг друга, а имели перед собой одно евангелие. В свободных науках, как, например, в философии, каждый переписывает общую банальность образования.

30

Робеспьер на все давал один ответ — независимо от того, думал ли кто-нибудь о чем-то, делал, хотел или говорил — la mort [смерть!]¹⁷. Этот ответ скучен

из-за своей монотонности, но подходит ко всему. Вы хотите сюртук — вот он; рубашку — пожалуйста; вы даете пощечину — вот вам вторая щека. Вы хотите получить мизинец — отрубите его. Я могу убить все и абстрагировать от всего. Так непобедимо своеволие, и так оно может победить все. Но высшее, что следовало бы победить, — именно эта свобода, эта смерть.

31

Утреннее чтение газеты — своего рода реалистическая утренняя молитва. Свою позицию по отношению к миру ориентируют либо по богу, либо по тому, что представляет собой мир. И то и другое дает ту же уверенность: узнаешь, как обстоят там дела.

32

Ora et labora! [Молись и трудись] Молись и проклинай! *Проклятие* противоположно святым словам, но в религии эти вещи совпадают. Да будет проклята земля, и в поте лица ты будешь есть свой хлеб! Работать — значит уничтожать или проклинать мир.

33

Необходимость *полностью* изучить систему философии. *Принцип* содержит все в скрытом виде, но лишь в скрытом виде, латентно, пустое формальное понятие, но не сам предмет. Он подобен скупому, который держит в мешке все наслаждения как возможность, в действительности же избавляет себя от утомительности самого наслаждения.

34

Ответ на вопросы, которые оставляет без ответа философия, заключается в том, что они должны быть иначе поставлены.

35

Геллерт, Хагедорн, Уц¹⁸ превратили *добродетель* в плоскую рифмовку: «Лишь тот, кто любит добродетель» и т. д.; «Хотя я нашел, что между добродетелью и рассудком» и т. д.; «Друг, добродетель не пустое слово» и т. д. Избави боже! Берлинский книготорговец

Николаи в ответ на это изобрел *порядочность* или успешно продвинул ее в жизнь.

36

Прекрасная черта — то презрение, которое питают и демонстрируют в Германии к *деньгам*. Немцы приписывают им происхождение, ниже и презреннее которого не бывает ничего. Это наглядно изображается в фигурах, называемых «Деньгоиспр... ль». В основе этого лежит, очевидно, какая-то мифологическая связь. Такого низкого происхождения не приписывают ни сосискам, ни чему-либо еще.

37

Пошлом мышление не конструирует: здесь липа, а здесь ива и т. д., внизу идет корова. Оно не доказывает, но принимает свое напряжение за доказательство, скуку — за глубину, а утомление — за результат.

38

То, что обладает глубоким *значением*, именно поэтому ни для чего не пригодно.

39

Наше потомство — ближайшая [книжная] ярмарка. Подобно тому как все сближается друг с другом в разуме, так, когда глядишь с горы, поток кажется ближе. *Pedes eorum, qui efferent te, sunt ante januam*¹⁹.

40

Наука. Вне зависимости от того, обладает ли человек знанием, он может заверять в этом и себя и других. Верно ли это, решает ближайшее окружение и современники, а когда они уже выразили свое одобрение — потомки. Но сознание выросло благодаря образованию, и варварская непроницаемость для понимания растопилась, так что уже через немногие годы можно услышать теперь суд *потомства*. Приговор философии Канта вынесен уже давно, а философия Вольфа держалась более пятидесяти лет. Еще быстрее приходит оценка исходных позиций философии Фихте, и вскоре

будет ясно, в чем суть философии Шеллинга. Приговор над ней будет произнесен совсем скоро, ибо многие уже ее поняли. Но ограниченность этих философий вскрыло не столько доказательство, сколько опыт. Слепую создавали они себе сонмы последователей, но ткань делалась все тоньше, и в конце концов они неожиданно обнаружили, что она прозрачна, как паутина. Она растаяла, как лед, и проскочила между пальцами, как ртуть, так что они даже не заметили, как это произошло. У них просто больше ее нет, и, если кто заглянет в руку, в которой должна находиться предлагаемая ими мудрость, он не увидит ничего, кроме самой руки, и с насмешкой пойдет прочь. В то время как одни, снедаемые холодом, пытаются еще вернуться в эту ткань, другие пытаются объяснить, в чем дело, исходя из ее нынешнего ничтожества, а не из того, чем она была. И те и другие обманываются. А правда в том, что их привело сюда уже исчезнувшее. Исполняется слово Писания: когда мы молчим, вопиют камни.

41

Важнейшее субъективное условие обучения наукам — *честность* по отношению к самому себе. Легко думать и говорить о сомнении во всем, но вопрос: верно ли это? Если только вся природа сущности от себя не отказывается, пустое слово — ложь, и ужасно подумать о том, как люди лгут себе и другим.

42

Изучая науку, не следует допускать, чтобы ее принципы отвращали от нее. Они носят общий характер и не так-то много значат. Лишь тот, кажется, может понять их смысл, кто ухватил особенное. И к тому же часто они плохи. Они представляют собой осознание вещи, а вещь часто лучше, чем осознание. Нужно изучать дальше. Сначала все осознается смутно. Между тем *ни в коем случае не желая, чтобы последующее было понято и доказано до предыдущего*, отбрасывают книгу, читают как бы в полусне, отчаиваются в своей способности понимать, т. е. в своей индивидуальности, а это тягостно. Так я изучал дифференциальное исчисление

и другие науки, а от других слышал, что так они изучали «Критику чистого разума» Канта.

43

Оригинальные и поразительные труды подобны ядру, взрывающемуся посреди сонного города, где все, сидя за пивными кружками, спокойно рассуждают и не чувствуют, что их плоское благополучие навлекло на них удар грома.

44

Вреднее всего *желание предохранить себя от ошибок*. Страх впасть в заблуждение из-за своей активности — удобство и спутник заблуждения, проистекающего от абсолютной пассивности. Так, не впадает в заблуждение из-за активности камень, кроме, например, извести под воздействием воды. Тогда она совершенно выходит из себя, взрывается, переходит в другое состояние, погибает. Не таков человек. Будучи субстанцией, он сохраняется. От этой каменности или каменности (немецкий язык с трудом делает определение из существительного, из вещи, из солидного человека и добропорядочного бюргера, у которого есть жена и дети), от этой твердости и неразмываемости надо отказаться. Истина состоит в *оформляемости*, а не в инстинктивном *non agidet* [не подходит]. Лишь поняв предмет (а это приходит после обучения), можно встать над ним.

45

Основное положение философской системы — это ее результат. Подобно тому как мы читаем последнюю сцену драмы и последнюю страницу романа или, как Санчо, считаем, что лучше заранее высказать решение загадки, так начало философии в то же время является и выводом из нее. Но никто, конечно, не удовлетворится этим концом или разгадкой, ибо самое существенное — путь, который сюда приводит. Противники философии отрицают, что в общем содержится особенное, и, претворяя это свое убеждение в действие, треплют свой принцип, ибо именно в нем содержится целое. Они владеют целым так же, как математикой, купив

экземпляр [книги] Эвклида или раба-математика. Но, обеспечив себе принцип или результат, нельзя ни купить самого предмета, ни получить его в подарок. Но если ограничиваться основным значит проявлять поверхностность, то ограничиваться созерцанием, подобным, например, созерцанию Якоба Бёме, значит впасть в варварство. Развитие познания, не будучи устранением ни такого созерцания, ни принципа, является выработкой их изнутри или извне. Созерцание Бёме глубже, чем это открывается вере Якоби²⁰. Ошибаются как те, кто принимает это за особое мнение и видит варварство в самом предмете, так и те, кто не считает принцип существенным. Первые принимают за сущность предмета форму варварского, вторые, напротив, крепость веры. (Якоби: мы рождены в вере; пожимание рук; *дорогой* Мендельсон²¹ и т. д.; так пустые пиетисты друг другу пожимают руки, склонив голову, отведя в сторону глаза и не зная, что сказать).

46

Варвар удивляется, когда слышит, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Он думает, что могло бы быть и иначе, страшится прежде всего рассудка и остается при созерцании. Разум без рассудка — это ничто, а рассудок и без разума — нечто. Рассудок нельзя получить в подарок.

47

Слова: *вечное, святое, абсолютное, бесконечное* поднимают человека, что-то при этом чувствующего, в высоту, согревают его, наполняют его жаром. Это силы, им управляющие, и знак их власти над ним — то, что он, слыша их, *чувствует* себя. Это зримые боги греков, которые доступны жителям северных стран лишь как абстракции, как слова, т. е. в идеальной форме. Лишь понимание убивает их как силу. Оно отделяется от них. Эта бесчувственная ясность, вместо того чтобы покоиться в их стихии, отходит от них и пронизывает их взором. Эти *слова* поднимают человека — еще больше познание их! Но их познание возвращает человеку его *Я*, его свободу, и возвышение становится по-

тушенным жаром или (потушенным) чувством индивидуума.

48

Бог, став природой, распространившись в изобилии и в немом круговороте творений, осознает эту экспансию как утраченную точечность и наполняется озлоблением. Озлобление — это форма, это концентрация в пустой точке. Бог находит себя, как таковой, а свое существо — расплеснутым в беспокойную бесконечность, где нет настоящего, а лишь дикий выход за пределы всех границ, остающихся всегда в том виде, в каком они были сняты. Это озлобление, будучи таким выходом, представляет собой разрушение природы. Выход за пределы образов — в той же мере абсолютный уход в себя самого, превращение в средоточие. Там озлобление пожирает свои образы. Все обширное царство природы должно пройти через это средоточие; при этом размалываются ее кости и разжижается плоть.

Гнев бога на себя самого в своем инобытии, фиксированный в образе павшего Люцифера, восстает против бога, и его красота делает его привлекательным. Осознавая свой облик, природа выставляет его напоказ; в нем она сама нравится себе. Но это ее бытие для себя самой или бытие как сознание не является ее бытием в постоянно спокойном представлении себя самой, при котором мысль была бы чем-то вторичным, пустым, бездеятельным пространством, воспринимающим свое содержание; это сознание непосредственно является абсолютной деятельностью — это сам гнев, воспламенение, разжигание озлобления, пожирающего себя и свою ослепительную роскошь. Уничтоженная природа возникает в новом идеальном образе как царство теней, утратившее ту первую жизнь, явление ее духа после смерти ее жизни. Но этот новый образ — преодоление зла; это остаток, который, пройдя через пламя боли в средоточии и оставив в тигле все тяжелое и твердое, является чистым ничто. Он поднимается как свободный дух, видящий в природе это свое просветление.

Такие мифы, такие воззрения являются воззрениями *варварства*. Их образ разрушает индивид, или

здесь скорее озлобление на абсолют, вновь образовавшийся и опять существующий. Ибо индивид здесь ничто. Он не погибает, он уже погиб, и это воззрение должно пройти еще через второй процесс, чтобы стать абсолютным. Это наука или познание того, что это самовоображение, это жизненный путь бога, из которого выходит само познание, что природа в своем существе не есть инобытие, на которое озлоблен дух из-за того, что он так себя утратил, но что дух это воззрение самой природы, это она *как* она. Индивид, как таковой, есть природа и созерцание божественной сущности естественно, независимо от того, сам ли дух составляет его содержание. Индивид сам проделывает этот путь либо в уничтожении себя самого, либо в знании, ибо в нем погибает естественная сущность субъекта. И здесь не только поднятие к этому индивида или его образование; это не просто взгляд со стороны индивида, отношение к нему: это второе круговращение самого абсолюта, который, став духом, как таковой, как родившаяся целостность, как дух, как сознание идет на эту боль, так что дух как создание рождает свое становление для себя самого как уже созданного. Это воззрение религии — всеобщая религия, и она может быть таковой лишь как наука. Не проникновение сквозь и создание в себе самом того первого пути как созерцательного круговорота; нет, наука возвышается над верой и ее подходом, полагается на себя как дух и приходит к себе как дух. Образование и научное развитие этого воззрения таково, что она всегда остается духом, не теряет дух и в качестве такового не утратившего себя духа делается *для себя* другим и вновь себя обретает. Каждый момент созерцания, являющийся для себя определенным и непроницаемым образом, не раскрывающим своего внутреннего содержания, но выходящим, действующим и погибающим от руки другого, знание превращает в процесс в себе самом или в духовную природу.

Дурная рефлексия — это страх углубиться в предмет и стремление, выйдя за его пределы, возвратиться

в себя самого. Как говорит Лаплас²², аналитик целиком отдается вычислению и упускает из виду задачу, т. е. общий обзор и зависимость отдельных моментов расчета от целого. Существенно не только понимание зависимости единичного от целого, но и то, что каждый момент сам по себе, независимо от целого, является целым. Это и есть углубление в предмет.

50

Фауст, находя человеческие границы слишком тесными, со всей необузданной силой пытался поднять их над действительностью. Он видел, что благородный человек угнетен и забыт, а дурак и плут осыпаны почестями. Он хотел постигнуть причину зла в сфере морали, исследовать отношение человека к вечному и понять, действительно ли оно ведет человеческий род и откуда появляются мучающие человечество противоречия. Он хотел дойти до причины вещей, до тайных пружин, движущих явления физического и морального мира, и до того, кто все это установил.

Напрасно! Он спешит на сцену жизни, где порок переплетен с добродетелью и где из добра рождается зло, а из зла — добро. Все больше запутывается дух. Видя цепь необходимости, сковывающую свободные создания, он ропщет на то, что никто не властен над своими поступками, но не в силах изменить это. Ему приходится предоставить всему идти своим вечным путем, а та сила, которой он не видит и которая, кажется, смеется над ним, по-прежнему в глубокой темноте погружена в мрачное молчание. Все темно для человеческого духа, и он загадка для самого себя.

Геология дает то, в чем отказывает спекуляция: что сделал вашему богу я, стремившийся лишь к тому, чтобы исполнять законы человечества по велению сердца? Вашему богу, который, несмотря ни на какие жертвы, не исполнил ваших желаний, не утолил ваших страданий и к которому напрасно взывал страдавший среди вас? Необходимость — имя могучей и неизвестной силы. Это все, что ты понимаешь. Покорись и умри.

Вину за все несет *не* божество, а человечество, злоупотребляющее своими дарованиями, неправильно пользующееся своими способностями, малодушное и ленивое. Человек злоупотребляет тем, что дано ему для счастья, религией, правительством и наукой. *Самый счастливый* тот, кто проводит свои дни в тишине и спокойствии, вдали от шумной человеческой деятельности, не зная, как людьми управляют, и не стремясь постигнуть, почему на наших глазах бог терпит вещи, происходящие ежедневно. Но *может* ли так жить человек? От него ли зависят его дни и его *судьба*? Не будет ли он насильно втянут в водоворот жизни? Великое *Почему* возвращается.

Не жалующийся больше на бога, но сознающий свою зависимость человек хочет знать, для чего он здесь. И если он не может добиться ответа, он все же хотел бы знать, почему природа, остановившись с ним на полпути, заставляет его теряться в догадках там, где ему требуется уверенность. Человек — господин своей судьбы и своего назначения. Знание дает ему возможность и способствовать прогрессу морального мира, и задерживать его, и все человечество — от нищего до короля — есть демиург морального мира. Как и любая другая вещь в видимом мире, человек следует лишь тем стремлениям, которые в него заложены, с той только разницей, что он один благодаря своей свободной воле и благодаря сознанию, понимающему, что такое добро и зло, подлежит наказанию или награде. Я преодолел склонность к злу. Меня поднимает ввысь чистота моей воли, чувство, что я действовал по закону разума, и убеждение в том, что не погибнет тот, кто творил разумно. Неустанная, смелая, часто бесплодная борьба благородного человека с призраками, порожденными этими богами: раздвоение сердца и разума; возвышенные сны и животные, отвратительные грезы; чистый и высокий дух, геройство и преступление; ум и безумие; насилие и вздыхающая покорность; все человеческое общество с его чудесами и глупостями, гнусностями и преимуществами. Но есть ли этот энтузиазм не более чем греза мечтателя? Поддерживает ли его холодный рассудок? Не охотимся

ли мы, подстегиваемые им, за пустыми тенями, утрачивая при этом самое существенное? И можно ли вообще реализовать эту мечту при том состоянии, в котором находится мир со всеми своими нынешними отношениями?

Дух природы: живите во мне, со мной! Я с вами и не могу стать для вас яснее, чем я есть! Цветение и увядание, успех и разрушение связаны друг с другом. Дружба со мной скрывает от вас следующее звено цепи. Я дал в подруги моим любимым детям иллюзию. Моя награда — ваше счастье. Источник его потоком течет в ваших сердцах. Ищите его только там! Бегите от безумия тех, кто ищет его вне меня!

51

Каждый хочет быть лучше окружающего мира и считает себя лучше его. Тот, кто *на самом деле* лучше, лишь выражает этот мир лучше других.

52

Обычный *царский* путь в философии состоит в том, чтобы при помощи чтения предисловий и рецензий получить приблизительное представление о предмете.

53

Последний царский путь при изучении состоит в самостоятельном продумывании.

54

Те, кто так много говорит против философской системы, *упускают из виду*, разбирая *определенную* систему, то обстоятельство, что это философия. Обстоятельство решающее, подобно тому, что дуб — это дерево.

55

Кизеветтер²³ нашел у *глухонемых* большую склонность к тому, чтобы говорить стихами, притом, что кажется почти невероятным, их стихи были основаны не на орфографии, а на звуке.

Один из высших факторов образования — говорить на своем языке. Народ принадлежит самому себе. Долой все чужое вплоть до латинских букв!

Кто-то выступает и делает нечто *посредственное*. Все приветствуют его как свою ровню, холят его и лелеют: ты из наших, ты не хочешь ничего особенного и т. д.

Слыша о философии, публика интересуется утраченной религией, а не наукой. Ею уже потом. Человек хочет знать, что с ним происходит, он хочет для себя успокоения, его волнуют нынешние интересы человечества.

Уже не говорят «*изящные науки*», но еще говорят: «*помысли себе дом с двумя деревьями рядом*» и т. д., вместо того чтобы «*представь себе*».

Дело уже не столько в *мыслях*. У нас их достаточно, хороших и плохих, прекрасных и смелых. Дело в *понятиях*. Но если мысли должны приобрести непосредственную значимость *благодаря самим себе*, то в качестве понятий, напротив, они должны быть сделаны понятными. Форма слога от этого меняется и начинает требовать напряжения, быть может мучительного, как, например, у Платона и Аристотеля.

Эффект, производимый на публику — абсолютный масштаб, способный привести субъекта в бешенство. Он сделал все, но его *усмотрению* противостоит бессознательный *инстинкт*.

К *морали*: высшее в ней добиться того, чтобы вина и страдания этого сердца были похоронены в нем самом, и сердце стало могилой сердца.

В *чудесах* Нового завета важно не *содержание*, а то, что это *чудо*. Какое значение имеет исцеление высохшей руки, засохшая смоковница или опьянение гостей на свадьбе?

«Заштопаный чулок лучше, чем разорванный»; не так с самосознанием.

Изучить — значит понять правильность того, что думали другие. Но нельзя познать вещи, если изначально исходить из их ложности.

Теперь, когда религия утрачена, от философии требуют, чтобы она *возвышала* [людей] и заменяла пастора.

Нужно еще пробить стену, отделяющую *терминологию* философии от обыденного сознания; нежелание *мыслить* известно. Успокаивает при этом то, что философию не следует принимать всерьез. Но приходится это делать, когда она обращается к повседневному.

Для философии не так уж хорошо иметь один *тезис*, чтобы говорить: это *есть* или же нет *ничего*.

С восхищением говорят о том, что Кант учит не *философии*, а *философствованию*; как будто можно учить столярному делу, но не тому, как сделать стол, стул, дверь, шкаф и т. п.

Нужно только организовать радость, возникающую от огня на иванову ночь. На всех вершинах зажигают множество огней. Это радость от первого огня, а что такое радость от такой живой стихии, как не нечто религиозное? Ибо это радость от него самого как стихии.

Эта радость должна уважать себя, она должна быть узаконена и упорядочена при помощи сознания. Эту радость нужно лишь принять всерьез, и она станет богослужением. Но к ней так не относятся. В религии страдания человек презирает свою радость и отбрасывает осознание ее. Иначе у греков, которые даже еду превращали в богослужение, т. е. вкушали с сознанием и с желанием. Скука у нас чувствует себя как дома. Общество стыдится еды. Нет более серьезных и более радостных людей, чем греки.

71

Раньше низший класс народа, превращая отдельных членов семьи в козлов отпущения и возлагая на них бремя воздержания, покаяния и отчуждения от себя самих вплоть до безумия, сам освобождался и выкупал себе прощение этой жертвой. Теперь же он сам взял на себя покаяние.

72

Лучше разрешить взять у себя силой десять миллионов, лучше разрешить плевать себе в лицо и топтать себя ногами, лучше разрешить себя высечь, чем добровольно отдать один миллион и сознательно взять на себя рану, когда это неизбежно: в этом *дух немецкой нации*. Потратив деньгами и натурой десятую часть того, что стоила немцам прошедшая война²⁴, в тысячу раз меньше пострадав и избавив себя от горы позора, они могли бы за 9/10 потерь избавиться от 999/1000 страданий и выйти из войны не с позором, а с честью. Но немцы хотят получить удовлетворение от своей нейтральности, т. е. не хотят примкнуть ни к одной из воюющих сторон, предпочитая, чтобы обе сдирали с них шкуру. Они удовлетворяются тем, что они остались сами по себе. Это нация квакеров Европы. Они разрешают взять у себя все, они дают сюртук и из добродушия, чтобы не подумали, что они сердятся, дают в придачу и куртку. Если они получают пощечину от одной стороны, от одной из воюющих держав, то они поворачиваются так, чтобы получить пощечину и от другой. Так описывает христиан Тертуллиан²⁵.

Когда говорят о том, *какова* определенная вещь, подразумевается ее *род*. Четыре деревянные ножки и доска на них — это «каков» стул, т. е. именно сам стул.

Необходимость закона против ростовщичества. Поскольку отдельный человек не знает, при каких обстоятельствах и у кого можно получить деньги, кажется, что это происходит реже, чем на самом деле. Государство, напротив, должно знать, много или мало денег находится в обращении. Его налоговый тариф как раз и может внушить эту неуверенность, создать мнение о недостаточном количестве денег и тем самым способствовать повышению ростовщического процента. Далее, с деньгами дело обстоит так же, как с ценами на зерно, которые колеблются в зависимости от слухов о войне и мире, от града и т. д. Эта нестабильность как раз и повышает цену, ибо надежда продать дороже или в крайнем случае не дешевле действует сильнее, чем страх перед противоположным, и она больше способствует созданию запасов, чем страх стремлению побыстрее все сбыть. Поэтому необходимы фиксированные цены на хлеб, мясо и т. п.

В Германии, как ни в одной другой стране, любая новая мысль сразу же делается всеобщим достоянием, идолом дня. Ее реклама доходит до шарлатанства, так что в конечном счете ее так же быстро забывают и пропадают те плоды, которые она бы принесла, если бы ее удерживали в соответствующих границах. Так было бы, если бы ее в должной мере признали, оценили и использовали, в то время как теперь, неумеренно раздувшись, она сразу же съеживается и, как отмечено, впадает в забвение.

Южные немцы наивно перепечатывают чужое. Северные немцы переписывают друг друга и повторяют

одно и то же; компендиум — главой раньше или позже; даже «модные газеты»²⁶.

77

Я очень хорошо помню, как, изучая науки, я метался, честно полагая, что сказанное прямо — это еще не все. Из оборотов речи, из формы изложения я заключал, что сущность скрыта где-то за текстом, и все знают гораздо больше, чем говорят, а именно дух и основания, исходя из которых они и высказываются. Я долго и тщетно искал того, о чем всегда говорится так, как будто это нечто общеизвестное, правильное, такое, что вызывает к жизни обыкновенное. Но я так и не мог найти этого и наконец понял, что на самом деле ничего и нет, кроме того, что я уже прекрасно понял. Сверх того лишь самоуверенный тон, произвол и дерзость.

78

Друг истинного естествознания предлагает просить всем известного господина доктора Галля²⁷, ко всеобщему величайшему восхищению уже закончившего чтение одного курса, прочитать еще один, ибо из его доклада явствует, что он неисчерпаем и будет в состоянии рассказывать нам все новые истории. Тот уже изъявил предварительное согласие и обещал новыми выступлениями еще яснее продемонстрировать пустоту своего черепа^{27а}. А именно:

1. Для показа мозга он разгладит свои несуществующие морщины; он будет упражняться в остроумии на дамских шляпках, для дам — на паре штанов;

2. Он покажет происхождение нервной системы от копчика;

3. Покажет целый ряд новых чувств, у дам, кроме чувства танца, еще и чувство шитья и поварское чувство; у деревенских молодцов — молотильное чувство, а у остальных — чувство шарлатанства, и все без малейшей мысли;

4. Он привлечет парикмахершу из сиротского приюта Барбару Ширюцбайн, которая своим опытом и своим ловким манипулированием черепами окажет поддержку господину доктору Галлю.

Один просвещает *эпоху*, другой поднимает до себя ее чувства в сонетах, поднимает ее воспитанием, преклонением, рефлексией. Для каждого эпоха — это *truncus ficulnus* [ствол фигового дерева], из которого он хочет сделать Меркурия; но черт выхватывает у него из-под рук *truncus* [ствол] или, чтобы прибегнуть к другому сравнению, гранит Монблана и оставляет ему осколочек или зернышко, так что, когда он, глядя при свете на готовую работу, видит, что Меркурий получился совсем маленьким, он осыпает проклятиями негодное время и дьявола, оставившего ему такие крохи. Так получается, что кругом множество маленьких эпох, каждую из которых описывают по-разному: эпохочка Зальцмана, Кампе²⁸, коровьей оспы; — очистить ее, создав ясный эфир, из которого свободно возникают лики звезд в вечном солнечном свете посередине.

* * *

Многие локрийцы повесились из-за того, что не могли сблизиться с мальчиками, которых они любили. *Греческая любовь к мальчикам* еще мало понята. В ней есть благородное презрение к женщине, и она указывает на то, что должен был родиться новый бог.

Коуридиэ алошое [наложница] — чтобы эта женщина не была изнурена частыми родами — рабыни. Вообще разница между длительностью желаний и потенции мужчины по сравнению с привлекательностью, плодовитостью и здоровьем женщины создает при святости брака у европейцев несоответствие, способствующее подспудной борьбе и раздорам в семье, с одной стороны, разврату — с другой.

Натурфилософские идеи, т. е. нечто фантастичное и неразумное. Импульсы, получаемые от философии, создают лишь возбуждение, не приводящее ни к какой субстанциальности.

Совершенное, разумеется, везде *едино*, но в искусстве особенно важно: не стремиться к раскрашиванию статуй; не смешивать лиричность хора с драматич-

ностью действующих лиц. То же относится и к *философствованию* и *поэтическому творчеству*. Следует вообще решительно осуществлять необходимое разделение и твердо его придерживаться.

Становится действительно страшно. Когда они слышат о предмете или материи, то под этим имеют в виду только идеи. — Подобно тому как теперь никто вслед за Гомером не сравнил бы Аякса с ослом, так делается неприличным и само слово «*учиться*».

Заслуги Фихте и содержание того, что *имеется в виду в этих абстракциях*, можно будет выяснить лишь после того, как будет создана история сознания.

Платон долго и прилежно учился у многих философов и путешествовал. Он не был ни продуктивным гением, ни поэтом, а всего лишь тяжелодумом. Бог дает это гению во сне. А вам он во сне дает только сны.

Восточное: вода — отец жизни, отец туч; *мед* — отец победы; *сахар* — отец выздоровления; *мясо* — отец изобилия; *вино* — отец легкого пищеварения; *хлеб* — отец милости, отец человечества; *ложе* — отец желаний; *цифра* — отец игры; *хорошее общество* — отец совершенства; *сыр* — отец странствующих и т. д., поверхностное обозначение, которое, будучи столь общим описанием, должно быть известно подобно знаку по тому, что оно обозначает, но не должно быть ясно само по себе.

Рецензенты — могильщики. Но если они закапывают и живое, оно все же сохраняется. Им самим нужно учиться. Произносить суждение, характеризовать — значит убивать; изображать *индивид*, а не *предмет*, как если бы живым был именно он, а не *истинное*. Судьи тайного судилища, масоны, не опередили прочей публики, даже отстали от нее. Когда мистерия становится явной, им приходится иметь дело лишь с *подразумеваемым*.

Время как будто неблагоприятно для философии, ибо оно прилагает столь много усилий для того, чтобы возникла лишь мысль о *сверхчувственном*, первое, самое глубокое начало. Но его следует раскрыть в самом

общеизвестном, например во фруктах; нет религиозного чувства вообще.

В «Сиде» говорится:

Но какой же побежденный
Об обиде не твердит ²⁹.

Философия управляет представлениями, а они управляют миром. Дух господствует над миром при помощи сознания. Это его инструмент, а потом уже штыки, пушки и мускулы. Знамя и душа полководца — дух. Главенствуют не штыки и не золото, не интриги и хитрости. Они существуют подобно шестеренкам в часовом механизме, но его душа — дух, подчиняющий время и материю своему закону. Илиада не возникла случайно, ничто великое не создавалось штыками и пушками; композитор — всегда дух.

Единство и различие — это звучит бедно и жалко по сравнению, например, с великолепием солнца, с востоком и западом... Восток и запад присущи каждой вещи. Но бедным проповедуется Евангелие, и они увидят бога.

Натурфилософия. Пройдет много времени, прежде чем здесь перестанут пускать пыль в глаза. — Признание этого или дерзкое и упорное выступление против этого. — Абсолют: ночью все кошки серы. — Абсолютное познание — великая метла, qui fait la maison nette [все выметающая и очищающая дом].

Унтервальден: пастушеская жизнь. Никакого духовного прогресса. Культивирование склонности к лени. Вероучители зависимы от народа, избирающего их и распоряжающегося их жалованьем. Эта зависимость заставляет их заниматься интригами. Они льстят необразованной массе, выведывают семейные тайны, поддерживают определенные партии и добиваются господства над умами сельских общин. Но они не пользуются этим господством для того, чтобы рекомендовать невежественным и ограниченным людям нечто новое, отступающее от привычного; никаких полезных нововведений в области школьного дела, лишь грубость

и одичание. Поддерживать это одичание в интересах богатых семей, которые таким образом сохраняют свое влияние и должности. — *Свобода необразованной массы превращается в бедность и уныние.* В церквах — нищие, на улицах — паломники, у могил — коленопреклоненные. И при этом ухудшение нравов, злорадство по поводу утраты богатства теми, кому завидуют, клевета, клятвоотступничество и неблагодарность. Бесхозяйственность и отлынивание от работы при всей бедности; жалкий, нищенский эгоизм. Увеличение роскоши при недостатке пахотной земли, развитие лесного хозяйства и отсутствие прилежания в области искусств и ремесел.

«Сид»:

Тайна женщины от века —
Власть над нашими сердцами;
Эта тайна коренится
В них глубоко, и едва ли
Сам господь ее постигнет
В день суда, когда всевышний
Станет взвешивать проступки
И взглянется в души женщин.
Всех равно он без изъятия
Обвинит иль оправдает —
Так неясны их сердца ³⁰.

В Люцерне круглые шляпы диаметром больше 18 дюймов запрещены как недопустимая роскошь!

В философствовании нет места для представлений. Повсюду образ. За него цепляются люди. *Tabula rasa* ³¹ — это выражение было употреблено Аристотелем случайно, но в силу возникшей потребности. В такой мере каждый знает Аристотеля: *Tabula rasa* не выражает существенное содержание его понятия о душе.

История *Люденса* Гуго Гроция, 231 ³²: тогда распространили слух, что король (Густав Адольф после битвы под Лютценом) еще жив; что у него были все основания покончить со своей смертью. Эти *homines acuti* [остроумные люди], говорит Гроций, *nos velut crassos, qui mortuum mortuum credimus, irrident. Hoc est Germaniae acumen*, [поднимают на смех нас

простаков, верящих в то, что мертвые мертвы. Таково германское остроумие]. Так обстоит дело и с философом: когда он говорит, что государство или что-либо подобное мертво, значит, оно еще живо; рейхстаг и т. д. Nos est Germaniae acumen [Таково германское остроумие].

Божество почитают в *произведении искусства*, в плохом так же, как в хорошем. Собрание верующих проникается ужасом перед божеством, перед уничтожением индивида. Но вскоре оно приходит в себя, оглядывается на живые существа и пробуждается к чувству жизни. Верующие ощущают себя живыми, сообщают об этом друг другу, берутся за руки и приходят в движение, — *танец*. Торжество должно превратиться в гармонию, в многообразие образов и мыслей. Благодаря такту мера служит сдерживанию субъективного, произвольного. Индивиды делаются членами объективного единства. Оно подобно Кибеле, великой матери богов, бьет в литавры; в других случаях оно превращается в бесшумную неосознанную силу. Так, божество вкушает само себя, и человек себя с ним отождествляет. Это вкушение переходит в *поедание божества*, но здесь уже глубокое выражение бесконечной боли, полного крушения самого священного. Бог приносит себя в жертву, отдает себя уничтожению. Сам бог мертв; глубочайшее отчаяние от чувства оставленности богом.

БЕРЛИНСКИЙ ПЕРИОД

1

Великий человек осуждает людей на то, чтобы они его объясняли.

2

Русские женщины жалуются, если мужья не бьют их, — значит, они их не любят. Это и есть мировая история. Народы так же хотят кнута³³.

3

Всю свою жизнь Гёте поэтизировал любовь, растрчивая свой гений на прозу — «Вертер». С поэзией любви он познакомился у восточных поэтов — «Диван»³⁴.

4

Оставлять (aufgeben), как и снимать [aufheben] имеет два смысла: 1) что-то считать потерянным, утраченным; 2) тем самым одновременно превращать это в проблему, содержание которой не только не утрачено, но должно быть спасено и трудности которой должны быть разрешены.

5

Когда человек приходит к убеждению, что он знает это не лучше, чем другие, т. е. когда для него становится безразлично, что другие это сделали плохо, и его интересует лишь, что они сделали хорошо, тогда в него вступили мир и утверждение.

6

Односторонность философии — любимая тема разговора; об этом слышишь чаще всего, и эта категория фигурирует как талисман, помогающий против любой философии и против любого ее требования; это

надежные латы, с которых соскальзывают претензии если не на знакомство с философией, то по крайней мере на внешнее почтение к ней. Философия односторонняя, потому что она особенная философия, а особенная она потому, что определенная, или, говоря вообще, потому, что есть еще другие, от нее отличающиеся. Так что же нужно сделать, чтобы не впасть в такую односторонность? Благоразумие сразу же отвечает, что нужно познакомиться не с одной, а с различными философиями; это единственный путь, чтобы обеспечить себе возможность *выбирать*, а следовательно, и сделаться самостоятельным и самодетельным. Не умно ли это, и не доморощенный ли рассудок придумал этот осторожный выход и чувствует себя в нем, как дома?

Но и этот выход небезупречен; ибо после того, как трезвое благоразумие решится на выбор, чтобы уберечься от односторонности, то, что оно выберет, снова будет определенной, особенной философией, ибо она непосредственно *отличается* от остальных, из которых она выбрана или в борьбе с которыми она создала из себя самой то, что она называет философией. Таким образом, этот доморощенный рассудок, стремясь избежать односторонности, сам в нее впадает, и его ум не только не помог ему, но и привел его к тому, от чего он хотел избавиться. Кант, знавший философию Вольфа и Юма, создал в борьбе с ними собственную философию, следовательно, философию одностороннюю и т. д.

Есть только *один* путь избежать этой устрашающей односторонности, а именно исходя из того, что каждая философия односторонняя, обходиться без всякой философии. Тогда рассудку не придется уже ни выбирать, ни решать. Ему уже не нужно будет иметь свою философию и не нужно будет даже знать, что ни одна философия ничего в себе не содержит. Такому отрицанию, *пустоте*, нельзя отказать в *свободе от односторонности*, а именно от односторонности какого-либо *содержания*. Но тем самым появляется сразу же опять-таки односторонность, ибо *незнание* представляет собой лишь одну сторону, нечто особенное, которому противостоит другое особенное, а именно знание и наука. Так, рас-

судок и его доморощенность, падая с вершины своей бессмысленности, низвергается в бездну своей глупости. О счастливый Санчо Панса — кто, читая «Дон Кихота», не наслаждался тобой?

7

Бывают люди, ненавидящие спекулятивное познание христианских мистерий потому, что утрачивают оттого преимущество неразумия. Истинная вера *не заботится о том*, соответствует ей разум или нет, и не соизмеряет себя с разумом, а *полемическая* вера хочет верить вопреки разуму.

8

Музыкальное сочинение Кариссими³⁵ на слова *hic, haec, hoc* [этот, эта, это] для пения считается превосходным. Признак бессмысленности музыки; пусть кто-нибудь попробовал бы изобразить это или написать на эту тему стихотворение!

9

Христос-человек — загадка, глубоко отличающаяся от египетской. Здесь из звериного тела вырывается человеческое лицо, а там человеческое тело, из которого вырывается бог.

10

В 1764 году в Данциге был подготовлен новый сборник церковных песнопений. Лишь две песни Геллерта³⁶ вошли туда, ибо, как выразилось Духовное управление, он был «еще и комедиографом».

11

Securi adversus Deos [равнодушны к богам] — эти слова Тацита о германцах направлены *против* суеверных римлян. Их богами были *Febris, Pestis, Cloacina* [Лихорадка, Чума, Очистительница]³⁷. Отсюда недалеко до дьявола. Стоит поднять эти физические чертовщины в духовное, как получится дьявол.

12

Жизнь и мнения раньше считалось хорошим заглавием, ибо у некоторых из людей есть *жизнь*, но нет мнений; у других лишь *мнения*, но никакой жизни;

и, наконец, бывают такие, у которых есть и то, и другое, и жизнь, и мнения. Последние — редчайшие; за ними идут первые; чаще всего встречаются, как всегда, те, что находятся в середине.

13

«Preussische Staatszeitung» № 52 от 29 июня 1819 г.: «Самые большие суммы на общественные расходы отпускаются у тех народов, которые дольше других и наиболее полным образом участвуют в утверждении налогов. Смелые планы предприимчивых правителей стареют и умирают вместе с ними; но национальная гордость, впитанная с молоком матери, уверенность в силе своего народа, прирожденная иллюзия, что сила дает право, — все это растет от предков к потомкам. Нельзя отрицать того огромного влияния, которое оказывает инициатива всех в отдельности на дух целого, на воспитание человеческого рода; народы живут своей верой: *но они ее и оплачивают*».

И даже *охотно*. Те же, кто живет своим неверием, должны оплачивать и его.

14

Раньше преподавание латинского языка в школе велось исходя из двух основных точек зрения: 1) смысл и содержание трудов писателей: Корнелия Непота, Курция³⁸, Юлия Цезаря, Цицерона, Тацита, Горация и т. д. Важно было то, чтобы *содержание подходило* для юношества; благородные, простые, твердые убеждения и действия, основы нравственности и государственной жизни, представленные в их наивной близости и всеобщности; 2) язык с более общими правилами грамматики. *Правило* состоит в подведении особенного под общее. У латинского языка здесь есть преимущество по сравнению с греческим: твердые правила, пластичность, лапидарность; простое строение предложений и периодов; значение повиновения, законопослушного поведения; твердое правило и соответствующее ему действие, без исключений, произвола, отговорок и т. д. Ученик должен был писать свои сочинения, исходя из этих правил, а не из того, что он на-

шел форму, флексию, конструкцию и т. п. Усовершенствование преподавания латыни, внесенное в основном голландцами и англичанами (Дракенборх и Рункениус³⁹ спорили о том, как сказать правильное: *simulac ego* [одновременно и я] или *perinde ac ego* [точно так же и я], решив, наконец, что — *simul ac ego*), и еще масса всяких тонкостей (т. е. особенностей) полностью изменили природу преподавания латыни как средства воспитания *дисциплины*.

15

Нынешняя знать вышла, как правило, *не* из старых свободных *землевладельцев*, а из императорских, королевских, герцогских *вассалов*. Сами эти землевладельцы должны были становиться вассалами, если они хотели сохранить какое-то значение и не быть полностью подавленными.

16

По отношению к знати дворы были блистательны, они собирали знать вокруг себя и ее разоряли. Теперь по отношению к богатству банкиров дворы стали скромными, ибо богатство может поспорить с ними и в одежде, и в женских украшениях, и в жилище, и в празднествах. По отношению к этому же богатству дворы могут быть надутыми и церемонными. Их тогда высмеивают, а на придворных льстецов смотрят как на рабов, на украшения, *qui s'avilissent, en y mettant un prix* [которые унижают себя, придавая этому какую-то цену. — франц. яз.].

17

В мировой истории до сих пор пригодно прежнее греческое деление — на греков и варваров.

18

Канова⁴⁰ хотел посвятить *богу* церковь, которую он построил в своем родном городе. Это ему не разрешили. У Брахмы в Индии не было храмов. В католических странах протестантские церкви называются молитвенными домами. В Южной Германии их называют божьими домами.

Корпорации и коллегии в том, что касается всякого рода скидок, гораздо тверже и неуступчивее, чем индивиды: отличие между уставом коллегии и личной ответственностью. В той же мере, в какой личность может быть энергичнее, особенно вначале, притупляется ее сила в конце. Индивидуальность должна управлять как аристократ, как независимая и полагающаяся лишь на себя личность. Но индивидуальность как лишь особенное находится в многосторонней зависимости — тот или другой сможет сейчас или потом нанести ей вред. Скидка кажется личным, индивидуальным делом, и в самом деле, в ней много случайного.

Вальтер Скотт в «Жизни Наполеона» говорит о причинах и цели французской революции: «В наказание за грехи Франции и Европы и чтобы дать роду человеческому великий урок, небо передало власть в руки таких людей, которые были лишь орудиями его мести и его тайных планов». Как? Если грехи Франции и Европы были так велики, что *справедливый бог* наложил ужаснейшее наказание на целую часть света, то революция была *необходимостью*, не новым преступлением, а лишь справедливой карой за старые преступления; высокопарные фразы, которые вряд ли можно было бы простить даже капуцину, пытающемуся скрыть свое невежество. Кажется, что ему так же неизвестны основные моменты, характеризующие сущность революции, благодаря которым она приобретает почти неизмеримую власть над настроениями. «Остроумнейший народ Европы, — говорится в т. 1, стр. 47, — дал себя совратить при помощи грубейших обманов в самые гибельные принципы». Плоский ум.